

Сатирической элементъ въ бесѣдахъ св. Іоанна Златоуста ¹⁾.

I.

Ювеналу ²⁾ трудно было воздержаться отъ писанія сатиръ. А были серьезныя побужденія, удерживавшія его отъ этого небезопаснаго рода литературы: въ его время болѣе, чѣмъ когда либо, рискованно было высказывать открыто горькую истину современникамъ. „Выставь, напр., когонибудь подобнаго Тигеллину, говоритъ Ювеналь въ 1-ой сатирѣ отъ лица предполагаемаго своего собесѣдника, то будешь свѣтить въ видѣ факела, въ которомъ горятъ и дымятся стоящіе съ пронзенною грудью, или проведешь широкую полосу по срединѣ арены“ (стт. 155—157) ³⁾. „Когда одинъ изъ та-

¹⁾ Публичная лекція, прочитанная 13 Ноября 1907 года въ первой аудиторіи Московской Духовной Академіи, въ память 1500-лѣтія со смерти св. Іоанна Златоуста.

²⁾ Надежныхъ данныхъ для точнаго опредѣленія времени рожденія и смерти знаменитаго римскаго сатирика Децима Юнія Ювенала нѣтъ. Полагаютъ, что онъ родился въ царствованіе императора Клавдія (41—54 по Р. Х.) или въ началѣ царствованія Нерона и, доживъ до глубокой старости, скончался или въ концѣ 20-хъ годовъ II в. или, по нѣкоторымъ, около 140 г. Отъ него имѣемъ шестнадцать сатиръ, раздѣленныхъ на пять книгъ. Это былъ послѣдній замѣчательный представитель римской сатиры. См. А. Адольфъ, Сатиры Д. Юнія Ювенала. М., 1888. Стр. VI, XIV и XV; *Нагуевскій*, Римская сатира и Ювеналь. Митава, 1879. Стр. 194 и 196 и *Н. Е. Lemaire*, D. Junii Juvenalis sexdecim satirae. Vol. I. Parisiis, MDCCCXXXIII. Pag. XI.

³⁾ Тигеллинъ, любимецъ Нерона, — распутный, кровожадный и мстительный. Ювеналь, говоря здѣсь о временахъ Домиціана, очевидно, или разумѣетъ когонибудь изъ приближенныхъ этого императора или употребляетъ имя Тигеллина въ нарицательномъ смыслѣ. За обличеніе подоб-

КОВЫХЪ ИДЕТЬ ТЕБѢ НА ВСТРѢЧУ, ПРОДОЛЖАЕТЪ СОБЕСѢДНИКЪ ПОЭТА, ЗАЖМИ РОТЪ РУКОЮ: ОПАСНО ПРИ ВСТРѢЧѢ СЪ НИМЪ СКАЗАТЬ ХОТЯ БЫ ТОЛЬКО СЛОВА: ВОТЪ ОНЪ!“ (160—161) ¹⁾. Изъ понятной предосторожности, поэтъ до времени сдерживался и таилъ въ себѣ свое негодованіе, стараясь не затрогивать современниковъ ²⁾. Въ концѣ первой сатиры онъ высказываетъ намѣреніе испробовать, что позволительно говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ покоится уже при Фламиніевой или при Латинской дорогѣ,—о тѣхъ, которые недавно отправились къ праотцамъ (170—171) ³⁾. Однако, онъ не остается вѣрнъ своему рѣшенію и въ своихъ сатирахъ, не исключая первой, нерѣдко обличаетъ и современниковъ ⁴⁾. Сатирикъ не подвергся одной изъ тѣхъ казней, о которыхъ упоминаетъ въ первой сатирѣ; но ему пришлось познакомиться съ мѣстами не столь отдаленными античнаго міра и потерпѣть лишеніе всего имущества ⁵⁾.

То, что испытано было Ювеналомъ, и то, что грозило ему въ тотъ ужасный вѣкъ за правдивое, но рѣзкое слово, такимъ образомъ, не вполне предостерегало его отъ писанія сатиръ: *difficile est satiram non scribere*—откровенно заявляетъ онъ (I, 30). Не удерживало его и то предположеніе, что у него, быть-можетъ, нѣтъ таланта. „Если природа отказываетъ

ныхъ лицъ можно было подвергнуться двоякаго рода казни: или сгорѣть въ такъ назыв. факель Нерона или быть растерзаннымъ звѣрями на аренѣ амфитеатра, причѣмъ трупъ оставлялъ широкую полосу на песокъ, когда служители отгаскивали его, послѣ представленія, въ *spoliarium* (въ раздѣвальню). Той и другой казни обыкновенно подвергался христіане. *Адольфъ*, стр. 36—37; *Нагуевскій*, Первая сатира Ювенала. Рига, 1875. Стр. 72—74.

¹⁾ Объясненіе этихъ стиховъ см. *Адольфъ*, стр. 37 и *Нагуевскій*, Первая сатира Ю., стр. 74—75.

²⁾ *Нагуевскій*, Римская сатира и Ювеналь, стр. 199—200.

³⁾ См. у *Адольфа*, стр. 38, предположеніе одного изъ комментаторовъ Ювенала, почему упомянуты эти, а не другія дороги.

⁴⁾ *Нагуевскій*, Первая сатира Ю., глава IV.

⁵⁾ *Адольфъ*, стр. XVI—XVII: „Самымъ достовѣрнымъ намъ кажется предположеніе, что онъ былъ сосланъ Домиціаномъ и именно за... сатиру въ нѣсколько стиховъ на актера и пантомима Париса, бывшего любимцемъ Домиціана... Но такъ какъ къ поэту, который, вѣроятно, былъ тогда уже жрецомъ божественнаго Веспасіана и вдобавокъ соблюдалъ величайшую осторожность, нельзя было примѣнить болѣе строгой кары, то его въ качествѣ трибуна далматской когорты отправили въ Египетъ“. Ср. *Нагуевскій*, Римская сатира и Ювеналь, стр. 195—196.

миѣ (въ поэтическомъ талантѣ), то одно негодованіе въ состояніи слагать стихи—говоритъ онъ (I, 79) и, не взирая на опасности и неувѣренность въ своихъ силахъ, выступаетъ на литературное поприще, беспощадно бичуя крайній упадокъ нравовъ недавняго прошлаго и современной ему дѣйствительности. Онъ въ яркихъ краскахъ изображаетъ нравственное вырожденіе общества, равно какъ наглость и откровенность порока (I, 22—80). Непомѣрная страсть къ наживѣ (XIV, 256—302), жизнь не по средствамъ (XI, 1—20), чудовищная роскошь и расточительность (IV, 1—36), уживающаяся съ невѣроятнымъ скаредствомъ (VII, 36—52; 150—188); крайній эгоизмъ, чревоугодіе (I, 81—146), паразитизмъ (V, 1—11), праздность (VI, 286—300), крайне бѣдственное положеніе человѣка, желающаго жить въ Римѣ честнымъ трудомъ (III, 21—57); полное отсутствіе стыдливости (VI, 1—24), развратъ (301—345), развращеніе родителями собственныхъ дѣтей (XIV, 1—37), нелѣпное пристрастіе къ военщинѣ (XVI), уличный разбой, поджоги, отравленія, отцеубійства (XIII, 120—173) и вообще неслыханныя по своей жестокости преступленія (VI, 592—661) и пр. и пр.—вотъ содержаніе сатиръ Ювенала. Сатира девятая, „изображающая vitia ultima (II, 34) распутныхъ богачей Рима“¹⁾, представляетъ параллель къ нѣкоторымъ стихамъ I гл. посланія къ Римлянамъ.

По мнѣнію сатирика, Демокритъ, который не давалъ покоя своимъ легкимъ, смѣясь надъ людскими заблужденіями и пороками, „безъ сомнѣнія, смѣялся бы еще больше, если бы жилъ въ Римѣ и видѣлъ, до какихъ предѣловъ дошла человѣческая глупость“ (X, 33—55)²⁾. Всякій могъ собственнымъ опытомъ убѣдиться, что „настали времена вдвое хуже желѣзнаго вѣка, времена обмановъ и эгоизма, что вѣкъ нравственной чистоты давно уже миновалъ, что честность стала какимъ-то чудомъ, предвѣщающимъ недоброе“ (XIII, 1—70)³⁾. Поэтъ пришелъ къ убѣжденію, что обиліемъ пороковъ современная ему дѣйствительность превосходитъ все совершавшееся на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ отъ брошенныхъ Дев-

1) *Нагуевскій*, Римская сатира и Ювеналь, стр. 288—289.

2) *Адольфъ*, стр. 323.

3) *Id.*, стр. 407.

каліономъ и Пиррою камней снова населилась земля (I, 81—87); а потому никогда ранѣе не было столь богатаго и разнообразнаго матеріала для сатиры. Равнымъ образомъ, и послѣдующее время едва ли въ состояніи хотъ что нибудь прибавить къ существующей развращенности нравовъ: порочность достигла своего апогея (I, 147—149).

И въ этихъ словахъ Ювенала нельзя видѣть преувеличенія. Въ наше время, спустя 18 вѣковъ, русскій поэтъ—сатирикъ (А. М. Жемчужниковъ), въ сужденіи о римскихъ нравахъ I вѣка, приходитъ къ не менѣе безотраднѣмъ выводамъ и весьма рельефно подчеркиваетъ настоящую необходимость сатиры въ этотъ вѣкъ. А именно: сумасбродную выходку Калигулы ¹⁾, рѣшившагося назначить своего любимаго коня Инцитата консуломъ ²⁾, онъ хотеть истолковать въ смыслѣ *satira realis* ³⁾. По мнѣнію поэта, императоръ хо-

1) Почти современникъ нашего сатирика, царствовалъ 37—41 по Р. Хр. Ювеналъ нѣсколько разъ упоминаетъ о немъ въ своихъ сатирахъ, называя его въ VI, 615 *avunculus ille Neronis*. См. *Lemaire*, vol. II (Parisii, MDCCCXXXV), Index, *Variae lectiones et notae, Interpretatio*.

2) *Cassii Dionis Cocceiani Rerum Romanarum libri octoginta, t. II, Lipsiae, MDCCCXLIX. Pag. 182; C. Svetonii Tranquilli de XII caesaribus lib. IV, cap. LV (ed. Schildius)*.

3) Вотъ эта любопытная поэтическая интерпретація краткихъ сообщений Светонія и Діона Кассія:

„...тѣмъ Калигула и славень,
 Что вдумалъ лошадь, говорятъ,
 Послать присутствовать въ сенатъ.
 Я помню: въ юности плѣняла
 Его провія меня,
 И мысль моя живописала
 Въ стѣнахъ священныхъ трибунала
 Среди сановниковъ коня.
 Что-жь—развѣ тамъ онъ былъ не кстатъ?
 По мнѣ, въ парадномъ чепракѣ—
 Зачѣмъ не быть коню въ сенатъ,
 Когда сидѣтъ бы людямъ знати
 Умѣстнѣй въ конномъ денникѣ?
 Что-жь—развѣ звукъ веселый ржанья
 Былъ для имперіи вреднѣй
 И рабочаго молчанья
 И лестью дышащихъ рѣчей?
 Что-жь—развѣ конь красивой мордой
 Не затмѣвалъ ничтожныхъ лицъ
 И не срамилъ осанкой гордой

тѣль, будтобы, выразить ту мысль, что четвероногий *pater conscriptus* ни въ какомъ отношеніи не уступилъ бы своимъ двуногимъ коллегамъ, или лучше—они ничѣмъ не могли бы превзойти его. Если поэтъ оказывается слишкомъ лестнаго мнѣнія о Калигулѣ и Инцитатѣ, то римскую знать, дошедшую до крайней степени нравственнаго паденія, онъ характеризуетъ, во всякомъ случаѣ, согласно съ данными исторіи...

Таковъ былъ языческій Римъ времянь упадка, и велико должно было быть негодованіе человѣка, скорбѣвшаго о крайней испорченности нравовъ своихъ согражданъ. „Что скажу (для изображенія того), какимъ гнѣвомъ горитъ моя изсохшая печень“ ¹⁾—говоритъ поэтъ, видя, какъ страдаютъ отъ взяточниковъ и грабителей и частныя лица и цѣлыя провинціи (I, 45—50). „Это ли я не признаю достойнымъ Венузійской ²⁾ лампы? Это ли мнѣ оставить въ покоѣ?“ (51—52). Необыкновенной распущенности нужно было противопоставить могущественное средство, и такимъ средствомъ является сатира. Поэтъ „не вѣрять въ лучшую будущность; онъ не видитъ возможности къ перерожденію и спасенію своего народа и только на—время желаетъ отсрочить его паденіе и окончательную нравственную гибель своимъ открытымъ и благороднымъ обличеніемъ“ ³⁾. Негодованіе поэта усиливалось еще и оттого, что писатели, или лучше—писакки того времени, на вошедшихъ въ моду публичныхъ чтеніяхъ, предлагали необыкновенно длинныя и необыкновенно скучныя сочиненія на избитыя темы; въ нихъ они разрабатывали преимущественно мифологическіе сюжеты или касались давно минувшихъ дней, а жгучихъ вопросовъ современности совсѣмъ не затрогивали. Ювеналъ и самъ рѣ-

Людей, привыкшихъ падать ницъ?..

Я и теперь того же мнѣнья,

Что врядъ ли гдѣ встрѣчалось намъ

Такое къ трусамъ и рабамъ

Великолѣпное презрѣнье!

Недѣля 1900 г., № 7, стр. 240.

¹⁾ *Адольфъ*, стр. 22.

²⁾ „Сатира обозначена тутъ Венузійской лампой, причеиъ Венузійской значитъ Горациевой, ибо Горацийъ былъ уроженецъ города Венузія“. *Адольфъ*, стр. 23.

³⁾ *Нагуевскій*, Первая сатира Ювенала, стр. 7.

шается не шадить бумаги, но намѣренъ избирать новыя общеприятныя сюжеты, не подражая современнымъ ему авторамъ ¹⁾...

Въ этотъ то вѣкъ паденія одряхлѣвшаго языческаго міра зарождалась новая жизнь, росло и крѣпло общество послѣдователей Христова ученія. Но эти люди, которые должны были быть солью земли и свѣтомъ міра, пока скрывались въ потаенныхъ мѣстахъ, въ мрачныхъ подземельяхъ, въ горахъ и пустыняхъ, *терпя недостатки, скорби, озлобленія* (Евр. XI, 37). А если и являлись языческому міру, то чаще всего лишь затѣмъ, чтобы сгорѣть въ факелъ Церона или погибнуть на аренѣ амфитеатра. Это о нихъ, прежде всего, говорить Ювеналь въ приведенныхъ выше стихахъ первой сатиры ²⁾.

II.

Прошло почти три вѣка съ того времени, какъ Ювеналь началъ писать и издавать въ свѣтъ свои сатиры на развращенность языческаго Рима ³⁾. Предъ нами второй Римъ—столица восточной половины имперіи и Антиохія—главный городъ Сиріи, городъ многолюдный и богатый. Здѣсь и тамъ множество христіанъ ⁴⁾. Они уже болѣе не преслѣдуются правительствомъ; христіанство теперь религія господствующая въ Имперіи, продолжается лишь внутренняя борьба съ язычествомъ. Вѣднѣе общественное положеніе христіанъ радикально измѣнилось къ лучшему, но увы!—столь же значительно измѣнились и нравы ихъ къ худшему. Христіане перваго вѣка, съ своими добродѣтелями, скрывались въ катакомбахъ; христіане четвертаго вѣка, съ своими пороками, являются открыто на глаза всего міра, соперничаютъ въ

¹⁾ Сат. I, 1—18. См. соч. *Констана Марти* Философы и поэты—моралисты во времена Римской Имперіи. М., 1879. Стр. 264—265.

²⁾ *Нагуевскій*, Первая сатира Ювенала, стр. 131.

³⁾ Это относится ко времени царствованія Нервы или Траяна, т. е. къ самому концу I вѣка. См. *Адольфъ*, стр. XVIII—XIX. и *Нагуевскій*, Римская сатира, стр. 195—196.

⁴⁾ Въ Антиохіи изъ 200 тысячъ душъ населенія половина были христіане, а въ Константинополѣ христіане даже преобладали числомъ. Твор. Златоуста т. I, кн. 1, стр. 24 и 56. (Какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, сочиненія Златоуста цитуются по новому (съ 1895 г.) изданію Спб. Дух. Академіи).

этомъ отношеніи съ язычниками. Съ тѣхъ поръ, когда многіе стали получать имя христіанъ при самомъ рожденіи, въ среду христіанъ стали проникать всѣ тѣ пороки, отъ которыхъ страдалъ и разлагался міръ языческой; такъ какъ родившіеся въ христіанскихъ семействахъ и съ самаго рожденія включенные въ христіанское общество часто забывали въ послѣдствіи сдѣлаться христіанами по существу. Внѣшнее торжество христіанства, такимъ образомъ, отразилось весьма неблагопріятно на внутреннемъ, нравственномъ состояніи его послѣдователей ¹⁾.

Въ качествѣ духовнаго руководителя христіанъ антиохійскихъ, а потомъ константинопольскихъ, мы видимъ въ концѣ IV и самомъ началѣ V в. знаменитаго вселенскаго пастыря и учителя, св. Іоанна Златоуста. Онъ съ великою ревностью, съ постоянствомъ и терпѣніемъ, даже съ самоотверженіемъ, поучаетъ, увѣщаетъ, утѣшаетъ, обличаетъ свою паству. Но нерѣдко его охватываетъ столь сильное негодованіе, что и ему трудно воздержаться отъ того, чтобы не включить въ свои поученія къ народу обличеній сатирическаго характера ²⁾. Оружіе языческаго поэта перваго вѣка оказывается не только пригоднымъ, но иногда прямо необходимымъ христіанскому пастырю четвертаго вѣка,—въ борьбѣ съ пороками современнаго ему, христіанскаго по имени, но въ лицѣ многихъ представителей, по существу язычествующаго общества.

Въ словахъ и бесѣдахъ Златоуста мы найдемъ немало мѣстъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ ³⁾. Вотъ нѣсколько при-

1) См. *Aimé Puech*, S-t Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris, 1891. Pp. 316—317.

2) *Созоменъ* утверждаетъ, что св. Іоаннъ обладалъ природною склонностью къ рѣчи обличительной, каковую въ особенности обнаружилъ въ санѣ епископа. См. *Hermiae Sozomeni ecclesiastica historia*: Henrico Valesio, Interprete. VIII, 3. P. 614. Amstelodami, MDCC.

3) Теоретики не даютъ точнаго и опредѣленнаго понятія о сатирѣ. Первоначально это наименованіе принадлежало строго опредѣленной формѣ поэтическихъ произведеній; но съ теченіемъ времени его стали прилагать къ разнаго рода литературнымъ произведеніямъ, заключающимъ обличеніе текущей дѣйствительности,—преимущественно поэтическимъ; но иногда сюда же причисляются и прозаическія произведенія обличительно-проповѣдническаго характера. Можно, слѣдовательно, говорить о сатирѣ въ тѣсномъ и обширномъ смыслѣ. См. ст. *А. Горнфельда*

мѣровъ. Св. отецъ находитъ многое, достойное не обличенія только, а и осмѣянія въ бессмысленной и неразсчетливой роскоши богачей, которую клеймить и бичуетъ, какъ сатирикъ. „Ты строишь великолѣпныя палаты? Чтожь такое? Многія галки живутъ еще въ болѣе великолѣпныхъ... Развѣ не видишь, что дома сумасбродныхъ богачей, построенные на поляхъ и пустыхъ мѣстахъ, служатъ пристанищемъ для галокъ?“¹⁾ Онъ порицаетъ и осмѣиваетъ богачей, шествующихъ по торжищу въ сопровожденіи цѣлой толпы слугъ, обязанность которыхъ состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы разгонять встрѣчающихся. „Къ чему ты... такъ гордо выступаешь на торжищѣ?—обращается Златоустъ къ этого рода людямъ: развѣ ты ходишь среди звѣрей, что разгоняешь встрѣчающихся? Не бойся: никто изъ мимоходящихъ и приближающихся къ тебѣ не кусается. Но ты считаешь за безчестіе идти вмѣстѣ со всѣми? Какъ безумно, какъ странно,—когда близъ тебя идетъ лошадь, не считать этого безчестіемъ, а когда человѣкъ не прогнанъ отъ тебя на тысячи стадій, считать это безчестіемъ!.. Слуга твой гонитъ проходящихъ, а тебя сверху гонитъ гордость съ большимъ безчестіемъ, нежели слуга твой—ближняго... Когда... взойдешь на колесницу гордести, то будешь нисколько не лучше пресмыкающихся животныхъ, ползающихъ по землѣ“²⁾. Христіанки времени Златоуста не были глухи къ воплямъ бездомныхъ и голодныхъ, но нужно было умѣть разжалобить ихъ. Въ бесѣдахъ Златоуста читаемъ: „я зналъ многихъ (женщинъ), которыя, услышавши имя Христа, проходили мимо; но, когда подходящія къ нимъ хвалили ихъ красоту, онѣ смягчались, таяли отъ удовольствія и протягивали руку. Такимъ образомъ онѣ сами заставляли несчастныхъ нищихъ рѣшаться на это смѣха достойное дѣло“³⁾. Златоустъ, съ беспощадностью сатиры, обличаетъ господъ за то, что ихъ увлеченія и излишества дѣлаютъ ихъ смѣшными предъ собственными ихъ рабами, къ которымъ они относятся презри-

въ Энци. Слов. изд. *Брокгауза и Ефрона*. т. XXVIII А и Полную русскую христоматию *А. Галахова* ч. III. М., 1853. Стр. 196—197.

¹⁾ Творенія св. Іоанна Златоуста т. XI. кн. 1, стр. 285.

²⁾ Творен. т. X, кн. 1, стр. 422.

³⁾ Т. XI. кн. 2, стр. 369.

тельно, какъ къ существамъ низшей породы ¹⁾. Тѣ заботы, которыхъ не шадятъ ради устройства большого пира, тѣ правила, которыми руководятся законодатели пиршествъ, тѣ споры относительно качества и количества блюдъ и самаго порядка, въ какомъ они должны слѣдовать одно за другимъ, Златоустъ представляетъ достойными безпощаднаго порицанія и осмѣянія. Подготовить большой пиръ—задача столь же сложная и трудная, какъ для главнокомандующаго подготовиться къ предстоящему сраженію: развѣ это не достойно смѣха? ²⁾. Великій проповѣдникъ подвергъ жестокому осмѣянію многое изъ свадебныхъ ³⁾ и погребальныхъ обычаевъ своего времени—обычаевъ, нетерпимыхъ въ христіанскомъ обществѣ. Вотъ для примѣра обличеніе роскошныхъ похоронъ: „О, тщеславіе! Какую великую власть оно обнаруживаетъ среди самаго плача! До какого безумія доводитъ оно! Многіе, въ отвращеніе грабежа, раздираютъ тонкія погребальныя пелены и наполняютъ ихъ множествомъ ароматовъ, чтобы вдвойнѣ сдѣлать ихъ бесполезными для похитителей, и такимъ образомъ предають землѣ. Не безуміе ли это? Не помѣшательство ли это ума—выказывать великолѣпіе и въ то же время уничтожать его?“ ⁴⁾. Но съ особенною силою заклеимиль Златоустъ отношенія мнимо—безбрачныхъ клириковъ къ титулярнымъ дѣвственницамъ, въ особенности—богатымъ. „Тотъ, кому заповѣдано даже не приближаться къ житейскимъ дѣламъ, говоритъ св. отецъ: вмѣшивается не только въ житейскія, но и въ женскія дѣла; онъ, конечно, не откажется и женскія принадлежности относить, и часто будетъ навѣдываться у серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, спрашивая, готово ли зеркало госпожи, сдѣлали ли они флажку, возвратили ли стеклянку... Оттуда опять онъ бѣжитъ къ муроварителю поговорить объ ароматахъ госпожи, а часто изъ излишняго усердія при этомъ не преминетъ и обидѣтъ бѣднаго... Нужно ли излагать все безобразіе, напримѣръ, когда такіе люди входятъ въ дома для покупки прялки и

¹⁾ Т. XI, кн. 1, стр. 364—365. См. *Puech*, p. 58.

²⁾ Творен. т. VII, кн. 2, стр. 716. См. *Puech*, p. 56.

³⁾ Т. XI, кн. 1, стр. 178; ср. *Migne*, *Patrologiae Curs. compl.*, ser. gr., t. LXII, col. 145. См. *Puech*, p. 117.

⁴⁾ Творен. т. VIII, кн. 2, стр. 581; ср. также V, 1, стр. 241—247 *passim*.

пряжи, когда ходять по площади, отыскивая того же самого?.. А какой бываетъ срамъ въ церкви, этого и сказать невозможно... Встрѣчая своихъ дѣвственницъ у дверей и замѣняя для нихъ евнуховъ, они расталкиваютъ другихъ и, шествуя впереди, величаются передъ глазами всѣхъ и не стыдятся, но еще хвалятся этимъ“ 1)... Вооружаясь вообще противъ пристрастія къ театральнымъ и цирковымъ представленіямъ, Златоустъ порицаетъ и подвергаетъ осмѣянію въ особенности тѣхъ любителей зрѣлищъ, которые уже достигли преклоннаго возраста. „Здѣсь, видите, и главная часть храма не наполнена (народомъ), говоритъ однажды проповѣдникъ: а тамъ занимаютъ не только циркъ, но и верхнія комнаты, и дома, и кровли... Старики бѣгутъ туда быстрѣе цвѣтущихъ юношей, и стыдять свои сѣдины, опозориваютъ возрастъ, подвергаютъ осмѣянію самую старость. Когда они приходятъ сюда, то, какъ бы чувствуя тошноту, жалуются на безпокойство и тяготеютъ слушаніемъ слова Божія, ссылаясь на тѣсноту, жаръ и тому подобное. А тамъ, стоя на солнцѣ съ открытою головою, и не смотря на то, что ихъ попираютъ ногами, толкаютъ, наносятъ имъ сильные удары и другія безчисленныя непріятности, они бывають веселы, какъ бы на лугу... Если случится юношѣ оскорбить старика, этотъ сейчасъ указываетъ на свой возрастъ, и безчисленное множество (другихъ стариковъ) раздѣляетъ его негодованіе. А когда надобно вразумлять юношей и быть для нихъ образцомъ добродѣтели, тогда у нихъ (стариковъ) нѣтъ и помину о лѣтахъ; напротивъ, они еще неистовѣе юношей стремятся къ преступному зрѣлищу“ 2). Св. отецъ описываетъ ту достойную смѣха сцену, которая разыгрывалась у Маркіонитовъ, въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ оглашенныхъ 3); онъ изображаетъ богача, „который ежедневно вымаливаетъ голодь, чтобы у него было золото“ 4), и чревоугодника, мучимаго разнообразными болѣзнями 5); онъ подвергаетъ осмѣянію пристрастіе дѣвственницъ къ нарядамъ 6) и тѣ униже-

1) Творен. т. I, кн. 1, стр. 264—265 и 267.

2) Т. IV, кн. 2, стр. 811—812.

3) Т. X, кн. 1, стр. 414.

4) Ibid., стр. 409.

5) Т. VIII, кн. 1, стр. 147 и т. VII, кн. 1, стр. 470.

6) Т. XI, кн. 2, стр. 675—676.

нія, которымъ подвергаются преданные позорной любви 1), и пр. и пр.

Необходимость вынуждала Златоуста въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать къ сатирическому обличенію пороковъ—къ средству, которое, на первый взглядъ, можетъ показаться совсѣмъ неподходящимъ для пастыря-учителя. Пояснимъ это на примѣрѣ. Молодые люди времени Златоуста носили дорогую, изящную, вышитую шелковыми нитями обувь; многіе изъ нихъ только о томъ и заботились, чтобы не загрязнить и не запылить ее; многіе готовы были изъ-за нея забыть все на свѣтѣ 2). Какой приемъ былъ бы въ этомъ случаѣ наиболѣе пригоденъ? Какъ всего вѣрнѣе можно было выяснитъ, что чрезмѣрное увлеченіе модною обувью небезразлично въ нравственномъ отношеніи, что оно несовмѣстимо съ званіемъ христіанина, что оно унижаетъ человѣческое достоинство? Увѣщевать съ кротостью и спокойствіемъ—человѣка, заключившаго себя въ броню суетности и самодовольнаго чванства, было бы, во всякомъ случаѣ, бесполезно. Просто обличать и угрожать гнѣвомъ Божиимъ за модную обувь?—но это могло бы, пожалуй, вызвать только насмѣшки надъ самимъ проповѣдникомъ. Да Златоустъ и прибѣгалъ къ этому приему въ подобномъ же случаѣ—обличая женщинъ за чрезмѣрное пристрастіе къ нарядамъ; но онѣ только смѣялись и никакъ не хотѣли согласиться съ тѣмъ, что Богъ строго накажетъ ихъ за это 3). Пасторалистъ, быть можетъ, посовѣтовалъ бы обличать таковыхъ наединѣ, но

1) Т. IX, кн. 2, стр. 817—818.

2) Т. VII, кн. 2, стр. 513.

3) *Ruesch*, p. 59. И это обезоруживало великаго проповѣдника, который, по выраженію *Ruesch*'а, „прекрасно зналъ, что не такъ скоро можно справиться съ пропіею, какъ со страстью“ („qu'on a moins vite raison de l'ironie que de la passion“). Р. 275. Эразмъ Роттердамскій неодобрительно отзывался о томъ проповѣдникѣ, „который наканунѣ Пасхи съ церковной кафедры угрожалъ народу, что онъ не допуститъ до причастія Тѣла Господня тѣхъ, которые носятъ модные широкіе башмаки съ длинными носками, если они не бросятъ ихъ“. *В. Пльвицкій*. Средневѣковыя гомилетики. Кіевъ, 1895. Стр. 178. По мнѣнію Эразма, модные башмаки, широкія складки, длинные шлейфы и пр. не заслуживаютъ обличенія съ церковной кафедры. Иначе думалъ св. Златоустъ.—см. *Проф. Пльвицкаго* Гомилетика въ новое время, стр. 130.

едва ли и здѣсь можно надѣяться на успѣхъ. Поклонникъ моды, всего вѣроятнѣе, сказалъ бы пастырю—съ любезною улыбкою, но тономъ, не допускающимъ возраженій: „оставимъ говорить о такихъ пустякахъ!“—и заговорилъ бы о предметахъ, по его мнѣнію, будто бы, болѣе возвышенныхъ, чѣмъ то, къ чему онъ прилагаетъ постоянныя неуспыныя заботы, ради чего готовъ жертвовать всѣмъ. Здѣсь самъ пастырь-проповѣдникъ, очевидно, очутился бы въ неловкомъ и смѣшномъ положеніи. Кромѣ того, не нужно забывать, что это былъ общественный недугъ, и модниковъ этого рода было великое множество.

Что же дѣлаетъ въ этомъ случаѣ Златоустъ? Доказывая пагубность чрезмѣрнаго увлеченія модою и несовмѣстимость его съ достоинствомъ человѣка и христіанина, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вооружается бичомъ сатиры и изображаетъ поклонника модной обуви въ такомъ свѣтѣ, что его нелѣпое пристрастіе является для слушателей заслуживающимъ сожалѣнія, смѣха и презрѣнія. Вотъ это изображеніе: „поникши къ землѣ, идетъ юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесномъ; тщеславится своими сапогами болѣе, чѣмъ какою-нибудь важною заслугою; едва ступаетъ по торжищу, самъ себѣ причиняя напрасныя печали и огорченія,—боясь, какъ бы въ ненастье не замарать сапоги грязью, а въ лѣтнее время не запылить. Что скажешь на это челонѣкъ? Такою роскошью ты всю душу свою повергъ во прахъ, и безпечно смотря на то, что она пресмыкается по землѣ, такъ много заботишься о сапогахъ! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнѣнія, какое объ нихъ имѣешь. Сапоги сдѣланы для того, чтобы попирать ими грязь, навозъ и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повѣсь ихъ на шею, или положи на голову“ 1)...

Въ томъ и заключается могущество сатиры, что она и кажущееся важнымъ, похвальнымъ, достойнымъ удивленія разоблачаетъ и дѣлаетъ смѣшнымъ и презрѣннымъ. Потому то она можетъ оказать дѣйствіе и въ такихъ случаяхъ, когда другія средства безсильны. Увѣщаемый можетъ отвѣтить насмѣшкою на увѣщанія, можетъ сказать: они меня не тро-

1) Творен. т. VII, кн. 2, стр. 515.

гаютъ; на обличенія и угрозы закоренѣлый и упорный грѣшникъ можетъ сказать: обличеній и угрозъ я не боюсь, запрещеній не слушаю и не подчиняюсь имъ. Но когда искусный художникъ слова разоблачитъ всю внутреннюю пустоту, которая скрывается напр., подъ изящною внѣшностью, изобразить преданнаго пороку или пристрастію такъ, что для него станетъ очевидною опасность сдѣлаться смѣшнымъ, тогда онъ побѣжденъ. Ничего такъ не опасаются люди, какъ попасть въ смѣшное положеніе и подвергнуться осмѣянію. „Я подвергался величайшему риску, риску—быть смѣшнымъ“—пишетъ Легоувэ 1). Позднышевъ, герой „Крейцеровой Сопаты“, въ роковую для него минуту, когда онъ готовъ былъ сдѣлаться убійцею, вспоминаетъ, что не слѣдуетъ быть смѣшнымъ 2).

Юноша, который, быть можетъ, съ высокомернымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на тѣхъ, кто не имѣетъ средствъ или желанія носить модную обувь и на тѣхъ, кто совсѣмъ не имѣетъ обуви, и не подозревалъ, конечно, что онъ можетъ быть смѣшнымъ и именно—съ этой стороны. Ему казалось, что его модные, дорого стоящіе сапоги должны служить предметомъ удивленія для всѣхъ встрѣчныхъ; но вдругъ стрѣла сатиры поражаетъ его, и великое становится только смѣшнымъ. Конечно, возможна и такая степень ожесточенія и упорства или ослѣпленія и оболъщенія, что человѣкъ дѣлается нечувствительнымъ ни къ увѣщаніямъ, ни къ угрозамъ, ни къ осмѣянію. Допуская эту возможность, Златоустъ говоритъ: „знаю, правда, что многіе юноши не обратятъ и вниманія на слова мои, потому что упились уже страстію. Однакожь изъ-за этого не должно молчать“. Если не вразумятся юноши, то, надѣется св. отецъ, слово его подѣйствуетъ на ихъ отцовъ, и они поневолѣ обратятъ своихъ сыновей „къ должной благопристойности“ 3).

Пусть тотъ, къ кому прямо относятся подобныя обличенія, и не захочетъ оставить своего пагубнаго пристрастія; по крайней мѣрѣ, другой—тотъ, который не такъ еще далеко зашелъ по пути преклоненія предъ модными сапогами, полу-

1) *Легоувэ*. Чтеніе какъ искусство. Москва, 1884. Стр. 19.

2) Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Часть XIII. М., 1890, стр. 617.

3) Т. VII, кн. 2, стр. 516.

читать предостереженіе; по крайней мѣрѣ, окружающіе совѣмъ иначе будутъ относиться къ поклоннику моды: зависть и удивленіе смѣняются равнодушіемъ и насмѣшкою. Мы видимъ, что послѣ вышеприведеннаго изображенія юноши, шествующаго съ поникшею головою и съ взоромъ, устремленнымъ на изукрашенные узорами сапоги, слушатели Златоуста не могли не разсмѣяться ¹⁾; а всего вѣроятнѣе—ранѣе, если не всѣ, то многіе изъ нихъ, не видѣли въ этомъ ничего смѣшного. Златоустъ, какъ видно изъ выше приведенныхъ примѣровъ, прибѣгаетъ къ сатирическому обличенію порока именно тогда, когда приходится обличать повидимому незначительныя пристрастія и проступки—то, что обыкновенно и не считается грѣхомъ.

Но, быть можетъ, кто-нибудь станетъ утверждать, что, напр., модные сапоги—такая мелочь, которую затрогивать въ проповѣди совѣмъ не слѣдовало бы: это де совѣмъ невинное увлеченіе, которое тѣмъ простительнѣе въ юношѣ; съ лѣтами оно пройдетъ само собою—точно такъ же, какъ дѣти, вырастая, бросаютъ свои игрушки. Такъ разсуждали и слушатели Златоуста, но онъ думалъ иначе о такъ называемыхъ мелочахъ. „Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многихъ покажусь мелочнымъ; но это не остановитъ меня. Причина всѣхъ золъ именно въ томъ и заключается, что многіе считаютъ такіе грѣхи маловажными, а потому не обращаютъ на нихъ вниманія. Иной скажетъ: какой грѣхъ можетъ быть маловажнѣе того, что человекъ носитъ красивые, свѣтлые и обтягивающіе ногу сапоги, если только можно назвать это грѣхомъ?.. Такъ изслѣдуемъ и рассмотримъ, какъ велико это зло“—говоритъ Златоустъ и далѣе подробно останавливается на томъ, какія важныя и крайне нежелательныя послѣдствія проистекаютъ изъ невиннаго, повидимому, пристрастія. „Достанетъ ли досуга заняться чѣмъ-либо нужнымъ тому, кто тратитъ время на такія излишества? Достанетъ ли досуга такому юношѣ позаботиться о душѣ, или даже подумать, что есть у него душа? Тотъ мелочень, кто принужденъ удивляться пышной обуви; тотъ жестокъ, кто для нея презираетъ нищихъ; тотъ чуждъ всякой добродѣтели, кто все свое стараніе употребляетъ на та-

1) Стр. 515.

кіе наряды“. Но и этого мало: пустая прихоть многихъ доводитъ до совершеннаго нравственнаго паденія. „Многіе изъ молодыхъ людей, продолжая св. отецъ, продали красоту свою, сдѣлались шутами у богатыхъ и унизились до другихъ рабскихъ услугъ, чтобы за это пріобрѣсть только возможность исполнять такія свои прихоти... Такой человѣкъ будетъ сребролюбивъ и суетенъ, нерадивѣ всякаго въ дѣлахъ нужныхъ и неминуемо впадетъ во многіе проступки“. Выводъ ясенъ: „не говори: и то не важно, и другое не бѣда. Это-то именно все и губить“¹⁾.

Такимъ образомъ, очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такого же рода субъектомъ, который описанъ графомъ Л. Н. Толстымъ въ его повѣсти „Юность“, въ главѣ XXXI—„Comme il faut“. Къ довершенію сходства, и въ описаніи Толстого особенно важную роль играютъ сапоги. „У меня были общіе признаки, пишетъ Толстой, по которымъ я, не говоря съ человѣкомъ, рѣшалъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ. Главнымъ изъ этихъ признаковъ, кромѣ убранства комнаты, перчатокъ, почерка, экипажа, были ноги. Отношеніе сапогъ къ панталонамъ тотчасъ рѣшало въ моихъ глазахъ положеніе человѣка... Сапогъ съ узкимъ, круглымъ носкомъ и каблукомъ и панталоны узкія внизу со штрипками...—это былъ человѣкъ *mauvais genre*, и т. подобн.“ До чего же доходило стремленіе быть *comme il faut*? и что былъ въ своемъ существѣ человѣкъ, принадлежащій къ этой категоріи? Раскрывая сущность этого явленія, авторъ приходитъ къ необыкновенно печальному выводу. „Ни потеря золотого времени.., говоритъ онъ, ни ненависть и презрѣніе къ девяти десятымъ рода человѣческаго, ни отсутствіе вниманія ко всему прекрасному, совершающемуся внѣ кружка *comme il faut*,—все это было еще не главное зло... Главное зло состояло въ томъ убѣжденіи, что *comme il faut* есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ *comme il faut*“²⁾.

Авторъ „Очерковъ по исторіи новѣйшей русской литературы“, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, по поводу приведеннаго отрывка изъ

¹⁾ Творен. т. VII, кн. 2, стр. 513—516 *passim*.

²⁾ Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Ч. I. Изд. 11, М., 1903. Стр. 321—323.

сочиненія гр. Толстого, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „такое всѣмъ знакомое явленіе русской жизни, какъ вѣйшіи европейзмъ, еще съ первой половины XVIII вѣка... становится мишенью для насмѣшекъ русскихъ сатириковъ... Кажется, что этотъ предметъ уже разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ и весь интересъ къ нему исчерпанъ до послѣдней капли. Но... гениальный писатель отыскалъ въ немъ новый интересъ, раскрылъ намъ поразительно новыя стороны этого явленія, съ которыхъ никто изъ предшествовавшихъ писателей его не разсматривалъ“¹⁾. Можно вполне согласиться съ тѣмъ, что, сравнительно съ русскими писателями и въ отношеніи изображенія именно русской жизни, гениальный авторъ „Юности“ дѣйствительно сдѣлалъ шагъ впередъ. Но сравнивая толстовскаго соппе il faut съ юношей, современникомъ Златоуста, противъ котораго направлены обличенія въ бесѣдѣ 49-ой на евангелиста Матѳея, мы должны будемъ—не къ умаленію достоинства и славы нашего великаго писателя—признать, что св. отецъ на 1500 лѣтъ предупредилъ, если не превзошелъ его своимъ замѣчательнымъ по яркости и художественности изображеніемъ рабскаго преклоненія предъ модою. Вѣдь и Златоустъ обращается къ щеголю не съ такими только, обычными въ устахъ проповѣдника, увѣщаніями, что дорогая обувь отнимаетъ много средствъ, что деньги можно бы употребить на нужды бѣдныхъ, лишенныхъ необходимаго, что христіанскому юношѣ приличествуетъ скромность въ одеждѣ и т. д. Нѣтъ, онъ проникаетъ въ самую сущность этого недостатка; убѣждаетъ слушателей, что подобное отношеніе къ обуви лишаетъ чловѣка его достоинства, что оно—источникъ многихъ пороковъ, что оно ведетъ къ окончательному нравственному паденію. По Толстому, „главное зло состояло въ томъ убѣжденіи, что соппе il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ“. Но юноша, изображенный Златоустомъ, развѣ не то же самое? Онъ очерченъ столь рѣзкими чертами, что не остается мѣста для сомнѣнія въ томъ, что св. отецъ ставитъ предъ нашимъ взоромъ такого чловѣка, который есть только обладатель модной, дорого стоящей обуви и ничего больше,—

1) *Θ. Θ. Неллидовъ*. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. 1-я часть. М. 1906, стр. XXV—XXVI.

впрочемъ, обладатель, болѣе похожій на презрѣннаго раба. Это явленіе еще болѣе уродливо, нежели *comme il faut* въ качествѣ самостоятельнаго общественнаго положенія. А если такъ, то оставить безъ вниманія этого явленія пастырь-проповѣдникъ не могъ и средство для борьбы съ нимъ избралъ наиболѣе подходящее и въ подобныхъ случаяхъ наиболѣе дѣйствительное.

Проф. Кипарисовъ, рѣшая вопросъ, „заслуживаютъ-ли... внимательнаго наблюденія и труда проповѣдника... такъ называемыя слабости и недостатки мелкіе“, говоритъ: „люди самыхъ различныхъ эпохъ, наблюдавшіе повседневную жизнь, отвѣчаютъ намъ, что эти ничтожные недостатки, на которые,—говорятъ,—не стоитъ обращать и вниманія; часто изъѣдаютъ всю, такъ сказать, внутренность цѣлаго человечества“¹⁾. Это положеніе авторъ доказываетъ ссылками на проповѣдниковъ различныхъ временъ и народовъ и прежде всего—на Златоуста. А м. Филаретъ, въ словѣ на текстъ ев. Мѡ. VI, 28—29, указываетъ на примѣръ Господа Иисуса Христа: „не слушайте, говоритъ онъ, если не угодно, малыхъ людей, разсуждающихъ о малостяхъ: но вы не должны оставить безъ вниманія того, чему Небесный Учитель насъ поучаетъ“²⁾.

III.

Сдѣланныя выше извлеченія изъ проповѣдей Златоуста мы вправѣ называть обличеніями сатирическаго характера и сопоставлять съ свѣтскою сатирою. Если задачи поэта-моралиста и церковнаго проповѣдника нерѣдко сближаются почти до полнаго совпаденія, то естественно ожидать, что тѣмъ и другимъ, въ борьбѣ съ пороками и заблужденіями, будутъ примѣняться и одинаковыя средства. Такимъ средствомъ—конечно, не въ одинаковой мѣрѣ—для того и другого является, между проч., сатира. Исслѣдователь проповѣднической дѣятельности Златоуста и нравовъ его времени, проф. Риеш, отмѣчая сходство въ изображеніи одного общественаго явленія у Златоуста и у Ювенала, дѣлаетъ слѣ-

1) „Чѣмъ долженъ руководиться пастырь въ словѣ обличенія?“ См. Прибавленія къ Церкви. Вѣдом. 1889 г., № 33, стр. 967—968.

2) Слова и рѣчи... Ч. I. М., 1844, стр. 250.

дующее замѣчаніе: „здѣсь, какъ весьма часто, христіанская проповѣдь непосредственно соприкасается съ свѣтскою сатирою; и хотя здѣсь не было подражанія, однако мы найдемъ у отцовъ, хорошо извѣстныхъ черты, съ которыми насъ знакомятъ, съ своей стороны, и классическіе поэты“¹⁾. По другому поводу тотъ же авторъ сравниваетъ Златоуста съ Ювеналомъ и Лукіаномъ²⁾. Лютець говоритъ, что Златоустъ, иногда напоминающій „пастуха, который, отдыхая подъ кленомъ, поетъ пріятныя пѣсни“³⁾, въ своихъ обличеніяхъ похожъ на Архилоха⁴⁾. Такимъ образомъ, у названныхъ изслѣдователей жизни и дѣятельности св. Златоуста мы встрѣчаемъ сравненіе его съ тремя знаменитѣйшими сатириками. „И что было дѣлать проповѣднику среди этого христіанскаго Вавилона, который отъ его словъ болѣе приходилъ въ восхищеніе, нежели исправлялся?“—восклицаетъ Вильмэнь, описывая борьбу Златоуста съ развращенными нравами антиохійцевъ⁵⁾. Сравнивая обличительныя рѣчи Златоуста съ сатирами Ювенала, мы должны будемъ признать, что въ нравахъ римлянъ I вѣка и въ нравахъ антиохійцевъ и византійцевъ IV в. много сходныхъ чертъ. Бороться нужно было однимъ оружіемъ. Недостаточно было простого обличенія, необходимо было клеймить и бичевать порокъ, чтобы пробудить совѣсть и въ самыхъ безчувственныхъ и законсѣвшихъ. Вотъ нѣкоторыя параллели изъ сатиръ Ювенала

р. 148.—Можно привести примѣры и изъ учительныхъ трудовъ другихъ отцовъ IV в. (Василія Вел., Григорія Богослова, Григорія Нисскаго), изъ которыхъ ясно видно, что и они признавали умѣтность и пригодность сатирическаго элемента въ проповѣди.

1) Род. въ 125 г. по Р. X. въ Самосатѣ.

2) *Jos. Lutz*, Chrysostomus und die übrigen berühmtesten kirchlichen Redner alter und neuer Zeit. Tübingen, 1859. S. 270. См. также соч. *іерей Силіона Никольскаго* „Исторія церкви Антиохійской и Константинопольской, за время святаго Іоанна Златоуста, по его твореніямъ“. Ставрополь Кавказскій, 1905. Отд. I, стр. 74—75. Творен. Злат. т. III, кн. 1, стр. 2.

3) Въ половинѣ VII в. до Р. X.—Архилохъ преслѣдовалъ Дикамба, отца Небулы, помолвленной за поэта, но выданной за другого, и все его семейство столь язвительными сатирами, что его обидчики, какъ гласитъ преданіе, не снесли позора и покончили съ собою самоубійствомъ. См. *A. Baumgartner*, Geschichte der Weltliteratur. B. III, Freiburg im Breisgau, 1900. S. 103.

4) *Villemain*, Tableau de l'éloquence chrétienne au IV-e siècle. Paris, 1870. P. 171.

къ обличительнымъ проповѣдямъ Златоуста. „Какой предокъ воздвигалъ столько виллъ?“—спрашиваетъ Ювеналь въ сат. I, 94, обличая страсть римлянъ къ постройкамъ сверхъ всякой нужды; эту же страсть осмѣивалъ, какъ мы видѣли, и Златоустъ. Ювеналь въ шестой сатирѣ изображаетъ требовательную и жестокою госпожу, которая наказываетъ безъ всякаго милосердія свою служанку всякій разъ, какъ локонь или даже волосокъ госпожи окажется недостаточно послушнымъ; которая, по ядовитому замѣчанію сатирика, готова обвинять рабыню и за то, что ей не нравится ея собственный носъ ¹⁾. Златоустъ, въ бес. XV на посланіе къ Ефесянамъ, изображаетъ не менѣе гнѣвную и безсердечную госпожу, которая всячески оскорбляя рабыню словами, подвергаетъ ее жесточайшимъ истязаніямъ и даже призываетъ себѣ на помощь мужа ²⁾. Описаніе пиршествъ Златоустомъ вполне соотвѣтствуетъ тому, что находимъ у Ювенала. Pusch замѣчаетъ по этому поводу: „античный пиръ въ IV в. часто все таковъ же, какъ описалъ его съ такою язвительностью Ювеналь. Это его пятая сатира разыгрывается опять и опять“ ³⁾. Ювеналь въ началѣ второй сатиры обличаетъ лицемѣрную заботливость о состояніи нравственности императора Домиціана и его приближенныхъ, погрязавшихъ въ развратѣ; Златоустъ, въ бес. XIX на Матѳея евангелиста, вооружается противъ лицемѣрнаго благочестія, которое только возбуждаетъ смѣхъ ⁴⁾. Если Ювеналь во II и IX сатирахъ касается чудовишныхъ пороковъ вырождающейся римской знати, то и Златоустъ неразъ обращается къ обличенію того грѣха, который побудилъ „геенну явиться преждевременно“ ⁵⁾. Такихъ параллелей можно бы привести значительное количество, и вообще взгляды Ювенала и Златоуста на состояніе современныхъ имъ нравовъ нерѣдко совершенно совпадаютъ. Предположенію Ювенала относительно того, какое дѣйствіе оказало бы на Демокрита наблюденіе надъ современною сатирику дѣйствительностью, соотвѣтствуетъ слѣдующее разсужденіе Златоуста, еще съ большею выразительностью под-

¹⁾ Vv. 490—495.

²⁾ Cf. Pusch, p. 148.

³⁾ Id., p. 57.

⁴⁾ Творен. т. VII, кн. 1, стр. 218—219.

⁵⁾ Т. IX, кн. 2, стр. 521; ср. т. I, кн. 1, стр. 93—94 и т. IX, кн. 1, стр. 122.

черкивающее, что развращенность и безразсудство его современниковъ достойны и смѣха, и слезъ, и отвращенія. „Еслибы кто, говорить св. отецъ, сѣвши какъ бы на вершинѣ зрѣлица, взглянулъ на весь міръ,—или лучше, ограничимся пока, если хотите, однимъ нашимъ городомъ,—такъ, еслибы кто, сѣвши на высококомъ мѣстѣ, могъ разглядѣть все человѣческое,—подумай, сколько увидѣлъ бы онъ безразсудства, сколько пролилъ бы слезъ, какимъ посмѣялся бы смѣхомъ, сколько почувствовалъ бы ненависти! Мы, дѣйствительно, поступаемъ такъ, что наши дѣла и смѣшны, и глупы, и жалки и ненавистны“¹⁾.

Находясь въ одинаковыхъ условіяхъ, стремясь къ одной цѣли, и язычникъ-сатирикъ и христіанскій пастырь-проповѣдникъ обращались къ одному оружію—первый какъ къ единственному средству, второй—какъ средству, необходимому въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. На сатиру въ свѣтской литературѣ и въ церковной проповѣди и нужно смотрѣть какъ на крайнее средство для исправленія нравовъ²⁾. Она дѣйствительнѣе простого обличенія, потому что соединена съ насмѣшкою; она ярче обрисовываетъ безобразіе порока и сильнѣе бичуетъ его и, задѣвая самолюбіе, вѣрнѣе достигаетъ цѣли, побуждая къ исправленію. Сатира выясняетъ, что пороки не только ведутъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, что за нихъ рано или поздно настанетъ расплата, но что предавныя имъ—смѣшны, жалки, презрѣнны, какъ бы ни были съ виду благоприличны порочныя дѣянія, какъ бы ни была пріятна сладость грѣха. Мысль о возмездіи за порочную жизнь въ этой и будущей жизни человѣкъ легкомысленный и невѣрующій можетъ еще гнать отъ себя; но всякій ли станетъ упорствовать, когда ему разъясняютъ, что порокъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе, возбуждая смѣхъ и презрѣніе. Ювеналь въ слѣдующихъ выраженіяхъ изображаетъ могущество сатиры въ борьбѣ съ пороками: „всякій разъ, какъ пылкій Луцилій³⁾ гремѣлъ (своею сати-

1) Т. VIII, кн. 2, стр. 553.

2) Между проч., „Гоголь смотрѣлъ на сатиру, какъ на средство обличеніемъ научать добродѣтели“. См. В. Кипарисовъ. „М. Макарій, какъ проповѣдникъ“. Сергіевъ Посадъ. 1893.

3) Луцилій род. ок. 180 до Р. Х., ум. ок. 103. —родоначальникъ римской сатиры.

рой) какъ бы обнаженнымъ мечомъ, краснѣлъ (и такой) слушатель, у котораго совѣсть замерла отъ преступленій, и грудь покрывалась потомъ отъ скрытой вины“¹⁾). И себя Ювеналь сравниваетъ съ вооруженнымъ воиномъ, приготовившимся къ битвѣ; оружіе его—сатира²⁾). Эту же аналогію между обличителемъ человѣческихъ пороковъ и заблужденій и воиномъ, выступающимъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ врага, находимъ и у Златоуста. „Вы... заставляете насъ вооружиться обличеніемъ противъ такой роскоши“; „хотите ли, я изощрю...языкъ свой, и покажу всю... гнусность“ этого грѣха?—говоритъ онъ въ бесѣдѣ, обличающей пристраііе къ модной обуви³⁾). Наглость и откровенность порока⁴⁾ побуждаетъ Ювенала изъ всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній избрать сатиру; и Златоустъ выступаетъ съ проповѣдью обличенія, нерѣдко напоминающей сатиру, по той же причинѣ: онъ обращается къ этому средству для исправленія нравовъ христіанъ наиболѣе упорныхъ и закоснѣвшихъ въ порокахъ, которые не всякій грѣхъ считали грѣхомъ⁵⁾). Какъ свѣтскій сатирикъ, въ порывѣ раздраженія, часто склоненъ преувеличивать, сгущать краски, такъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, это же свойственно и проповѣдникамъ—обличителямъ вообще и Златоусту въ частности. „Безъ сомнѣнія, онъ не изъ числа тѣхъ, которые любятъ напыщенную рѣчь (qui declament), говоритъ о Златоустѣ проф. Риеш: но въ своей ожесточенной борьбѣ съ эгоизмомъ и пороками какъ могъ быть онъ умѣреннымъ, какъ могъ всегда сдерживать себя?“⁶⁾). Смѣлость и даже нѣкоторая грубость изображенія, рѣзкость

1) Сат. I, 165—167.—Гораций, по сравненію съ Луциліемъ и Ювеналомъ, сатирикъ иного рода. По словамъ Персія, современника Нерона, „хитрый Флаккъ... лукаво и умно издѣвается надъ толпой, затрогиваетъ всѣ пороки своихъ друзей, при чемъ сами они смѣются“. См. *Аполлофъ*, цитов. соч., стр. 38.

Сат. I, 169.

3) Творен. т. VII, кн. 2, стр. 513.

4) Сат. I, 51—80.

5) Т. VII, кн. 2, стр. 513 и 515.

6) Здѣсь же Риешъ приводитъ мнѣніе бл. Геронима (изъ письма къ Паммахію) о правѣ полемиста „давать иногда своей мысли выраженіе нѣсколько усиленное“, потому что „многое дѣло сражаться, иное поучать“. Риешъ, pp. 73—74. А въ положеніи сражающагося находится и проповѣдникъ-обличитель, какъ замѣчено было выше.

и прямолинейность выраженій свойственна проповѣднику-обличителю такъ же, какъ и сатирику, пишущему противъ тѣхъ, кто закосыѣлъ въ пороки и по отношенію къ кому эфемизмы были бы неумѣстны. Эти же особенности вѣдш-няго изложенія—существенная принадлежность рѣчи древнихъ пророковъ, на примѣръ которыхъ и ссылается Златоустъ, считая себя вправѣ противъ тѣхъ, которые не стыдились позорныхъ дѣлъ, говорить прямо и откровенно, безъ ложной стыдливости ¹⁾.

IV.

Богатый матеріалъ для сатиры даетъ и русская жизнь, какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Какъ 18 вѣковъ назадъ, когда Ювеналь писалъ свои сатиры противъ склонявшагося къ упадку язычества; какъ за 15 вѣковъ, когда Златоустъ обличалъ и подвергалъ осмѣянію съ церковной кафедры пороки общества, именовавшагося христіанскимъ, но жившаго не всегда по-христіански; такъ и теперь на святой православной Руси потребность въ сатирѣ не уменьшилась. И теперь съ самодовольствомъ, прихотями и безсердечіемъ обладателей несмѣтныхъ богатствъ можно бороться только героическими средствами; и теперь строятся дома для обитанія галокъ и воронъ скорѣе, чѣмъ для людей, не имѣющихъ крова. И въ наше время мода властвуетъ не только надъ женщинами, но и надъ мужчинами; и у насъ есть франты съ головы до ногъ; но есть и такіе, которые, какъ во дни Златоуста, все свое вниманіе посвящаютъ какой-нибудь, часто незначительной, подробности своего костюма и въ ней сосредоточиваютъ весь интересъ жизни. Наши современники, быть-можетъ, никогда не читавшіе Златоуста, сравниваютъ распорядителей пировъ съ полководцами ²⁾, какъ дѣлалъ и св. отецъ. Часто и у насъ животнымъ уделяется гораздо болѣе вниманія, чѣмъ людямъ. Св. Златоустъ говорилъ: „мы кормимъ псовъ (многіе же кормятъ и дикихъ ословъ, и медвѣдей, и другихъ разнаго рода звѣрей),

¹⁾ Бес. на 1 посл. къ Фессал., 5- творен. т. XI, кн. 2, стр. 519—520; Русск., Рр. 100, 278 et 280. Т. X, кн. 1, стр. 382: „пустъ никто не осуждаетъ, если все это я сказать явнѣ подлежащаго; я хочу обличаться не чистотою словъ, но сдѣлать слушателей чистыми“.

²⁾ См. Русское Слово 1907 г., Окт. 18, стр. 2.

а презираемъ челоѣка, истаеающаго отъ голода“¹⁾; или еще: „безсловесные лошаки носятъ драгоцѣнности, имѣя золотую узду; безсловесные лошаки украшаются, а бѣдный, томимый голодомъ, стоитъ при дверяхъ твоихъ“²⁾. Какъ во времена Ювенала и въ вѣкъ св. Златоуста, и теперь мы ведемъ родословныя породистыхъ коней, до неистовства рукоплещемъ во время состязаній отличившимся быстротою бѣга и, выражая свое одобреніе, доходимъ до хрипоты³⁾. Развѣ пользуется, сравнительно съ безсловесными баловнями судьбы, такимъ вниманіемъ и такимъ попеченіемъ богатыхъ и власть имущихъ—не какой нибудь обыкновенный бѣднякъ, а напр., заслуженный ветеранъ русской арміи, вынужденный нерѣдко, если не просить милостыню, то существовать впроголодь? Онъ, быть можетъ, до тѣхъ поръ держалъ полковое знамя подъ градомъ пуль, пока не прострѣлена была рука, державшая его; онъ, быть-можетъ, смѣнялъ изображеннаго Верещагинимъ часового послѣ того, какъ на *Шипкѣ* стало все спокойно; быть-можетъ, и теперь еще, спустя многіе годы, его „старыя раны горятъ“... Быть-можетъ... Но что жъ изъ того? За то какая-нибудь „Проказница“ или „Чародѣйка“ довольно часто подходитъ первою къ столбу, опережая своихъ соперницъ то на полкорпуса, то на цѣлый корпусъ и не дѣлая сбоевъ. Буквально то же самое, что говорили противъ предпочтенія безсловесныхъ меньшей братіи, тѣснимой нуждою и презираемой ближними, и свѣтскіе авторы и церковные ораторы, можетъ повторить проповѣдникъ нашихъ дней; а въ недалекомъ, еще незабытомъ многими нашими современниками прошломъ онъ могъ бы сдѣлать къ ихъ словамъ и существенныя добавленія.—Златоустъ вооружался противъ безстыднаго наряда актрисъ⁴⁾, и вашъ русскій знаменитый святитель-проповѣдникъ обличалъ ношеніе „одежды, которая не столько прикрываетъ, сколько обнажаетъ“⁵⁾,—обличеніе, примѣнимое и къ нашему времени. Ювеналь признаетъ необыкновеннымъ безуміемъ проигрывать по сотнѣ тысячъ сестер-

1) Творен. т. VIII, кн. 1, стр. 315.

2) На 17 ст. псалма 48, бес. 1-я, п. 6. См. т. I, кн. 1, стр. 57.

3) Ювен. сат. VIII, 57—65; ср. творен. св. Василія Вел. ч. IV, стр. 91—94.

4) *Ruech*, p. 279.

5) Слова и рѣчи *Филарета, митрополита Московскаго*. Ч. I. М., 1844. (стр. 255; см. „Русское Проповѣдничество“, стр. 394; ср. Juven. sat. II, 64—81.

цій и отказывать въ одеждѣ дрожащему отъ холода рабу ¹⁾; если замѣнить сестерцію нашею болѣе внушительною монетною единицею, а подъ рабомъ разумѣть того, кто за ничтожную плату несетъ непосильную работу или того, кто потерялъ способность къ работѣ; то можно подумать, что здѣсь обличаются наши нравы.

Какъ изъ писаній обличителя языческой безнравственности, такъ и изъ твореній великаго христіанскаго пастыря—учителя, мы можемъ брать изображенія пороковъ для примѣненія къ современной намъ дѣйствительности не отрывочно только, но можемъ дѣлать для этой цѣли довольно обширныя извлеченія. Таково, напр., заключеніе LXXXII бес. Златоуста на евангеліе Іоанна. „Вотъ одинъ кормить собакъ, чтобы ловить дикихъ звѣрей, а самъ впадаетъ въ звѣрство; другой... тратитъ бездну золота, чтобы соорудить каменныхъ людей, а людей настоящихъ, которые отъ бѣдствій сдѣлались каменными, оставляетъ въ небреженіи... Одни къ своимъ одеждамъ придумываютъ еще одежды, а между тѣмъ, другіе не имѣютъ, чѣмъ покрыть и нагого тѣла. Въ судахъ одинъ пожираетъ другого... Одинъ вычисляетъ проценты, другой проценты на проценты... Едва насталъ день, одинъ бѣжитъ на прибыль неправедную, другой—на трату безпутную, а иные—на казнокрадство“ и т. д. ²⁾. Вообще много и теперь, въ нашей жизни, можно отмѣтить подробностей, относительно изображенія которыхъ трудно было бы сказать, говорить ли это Ювеналь, сатирикъ I вѣка, или вселенскій учитель IV в. или нашъ современникъ, если не назвать имени автора, не обозначить времени и мѣста. И въ наше время упорство и ожесточеніе преданныхъ порокамъ таковы же; многіе пороки совсѣмъ не считаются предосудительными, а иногда призываются чуть не добродѣтелями. По выраженію архіеп. Никанора Херсонскаго, нашего знаменитаго церковнаго оратора, то, что „постыдно въ глазахъ всего міра, въ глазахъ нашего, увы! русскаго, увы! православнаго міра... не постыдно, это красиво, это даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ,—страшно сказать,—высоко-нравственно, понеже природѣ вѣрно“ ³⁾.

1) Сат. I, 92—93, ср. *Василія Великаго* цитов. стр.

2) Т. VIII, кв. 2, стр. 553—554.

3) Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и посланія. Т. I. Изд. 3. Одесса. 1890. Стр. 233.

„Русская дѣйствительность всегда давала слишкомъ богатый матеріалъ для сатирическаго воспроизведенія; русскіе писатели были слишкомъ полны общественными и моральными интересами, чтобы духъ сатиры не былъ характерной чертой русской литературы“—говоритъ А. Горнфельдъ ¹⁾. У насъ немало было сатириковъ въ строгомъ смыслѣ, каковы Кантемиръ, Сумароковъ, Дмитріевъ; немало и такихъ, которые въ различной внѣшней формѣ, но въ сатирическомъ духѣ изображали недостатки русскаго общества (въ басняхъ, комедіяхъ, романахъ). Въ наше время сатира, изображающая недочеты русской государственной и общественной жизни, кроется подъ разными внѣшними оболочками: то въ видѣ, напр., сказки объ Иванѣ Мужикѣ и Змѣѣ Горынычѣ, то въ видѣ записокъ генерала Дитятина, то въ формѣ фельетоновъ, касающихся, будто-бы, нравовъ Китая, Турціи, Персіи ²⁾. Чаще всего свѣтскіе авторы касаются, впрочемъ, злободневныхъ вопросовъ политики и общественной жизни, оставляя въ сторонѣ область чисто нравственныхъ вопросовъ. Но наши проповѣдники, обсуждая съ церковной каѳедры нравственное состояніе общества, также нерѣдко обращались къ сатирическому обличенію пороковъ. Авторъ Русскаго Проповѣдничества говоритъ о м. Давилѣ, что онъ „въ своихъ поученіяхъ изображалъ современные недостатки съ ѣдкою сатирика“; по его же выраженію, „Прокоповичъ изъ церковнаго оратора становился публицистомъ и сатирикомъ“; его проповѣди, „въ которыхъ онъ изображаетъ обрядность и суевѣріе русскихъ, проникнуты негодованіемъ и сатирой ³⁾. Можно отмѣчать сатирическіе элементы въ проповѣдяхъ Максима Грека ⁴⁾, Дмитрія Ростовскаго, м. Филарета ⁵⁾, архіея. Амвросія ⁶⁾ и др. русскихъ проповѣдниковъ.

Такимъ образомъ, состояніе нравовъ нашего времени, смѣлость и откровенность пороковъ, нерѣдкое смѣшеніе ихъ съ добродѣтелями, примѣръ свѣтскихъ авторовъ и нѣкоторыхъ нашихъ проповѣдниковъ и въ особенности авторитетный

¹⁾ Энциклопед. слов. изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII А, „Сатира“.

²⁾ Амфитеатровъ (Восточный вопросъ), Азовъ, Дорошевичъ.

³⁾ Стр. 76—77, 306 и 387, примѣч.

⁴⁾ Ibid., стр. 307.

⁵⁾ Ibid., стр. 394.

⁶⁾ Противъ, напр., увеселительной благотворительности.

примѣръ нынѣ чествуемаго вселенскаго святителя и великаго церковнаго витія естественно должны побуждать современныхъ нашихъ проповѣдниковъ воспользоваться тѣмъ оружіемъ, которое обладаетъ особенною силою въ борьбѣ съ великою развращенностью, упорствомъ и ожесточеніемъ. Между врачеваніемъ нравственныхъ недуговъ и лѣченіемъ физическихъ болѣзней можно провести полную аналогію. Обыкновенно врачъ духовный говоритъ о пагубныхъ послѣдствіяхъ порока, грозитъ возмездіемъ въ будущей жизни, прописываетъ извѣстную нравственную діету, рекомендуетъ средства для борьбы со слабостью. Сатирическое изображеніе порока, по его рѣзкости и беспощадности, проникновенію въ самую суть грѣховнаго состоянія, обнаженію грѣховныхъ язвъ во всемъ ихъ безобразіи, можно сравнить или съ прижиганіемъ или съ хирургическимъ леченіемъ, къ которымъ необходимость заставляетъ прибѣгать въ особенно серьезныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, и при *cura pastoralis* сохраняетъ все свое значеніе знаменитая гиппократовская формула: „то, что не излѣчиваютъ медикаменты, излѣчиваетъ желѣзо; чего не излѣчиваетъ желѣзо, излѣчиваетъ огонь; а то, что не излѣчиваетъ огонь, слѣдуетъ признать неизлѣчимымъ“¹⁾.

Въ примѣненіи къ пастырямъ нашего времени можно выставить и еще одно основаніе, по которому они должны бы особенно заботиться о яркомъ и живомъ изображеніи современныхъ пороковъ и заблужденій. Вѣчныя декламации на избитыя темы, совершенно чуждыя современности, вынудили Ювенала обратиться къ живому слову сатирической поэзіи,

1) *Hippocratis Coi Aphorismi...* Vol. II. Hagae Comitum, MDCCCLXVII. Pp. 477--478; см. цитов. соч. о. Селмона Никольскаго, отд. II, стр. 110: „мы въ твореніяхъ св. Іоанна Златоуста встречаемся какъ въ анатомическомъ театрѣ“. А. Я. Тьерри, въ соч. „Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія“. М., 1884, стр. 29 и примѣч., приводитъ выраженіе *Палладія*, современника и біографа Златоуста, сравнивающее обличенія св. отца съ „погруженіемъ бритвы въ сердца богачей, дабы вырѣзать изъ нихъ нарывъ гордости“; см. стр. 28. Но съ наибольшою опредѣленностью и полнотою выражаетъ мысль о разнообразіи дѣйствія пастыреко-проповѣдническаго слова самъ св. отецъ въ IV словѣ „о свидѣствѣ“: „послѣ примѣра дѣла предоставляеть одинъ видъ и способъ врачеванія—ученіе *с. слово.м.*... Это вмѣсто лѣкарства, это вмѣсто огня, это вмѣсто желѣза; нужно ли прижечь или отечь, необходимо употребить слово; если оно нѣсколько не подѣйствуетъ, то все прочее напрасно“. См. т. I, кн. 2, стр. 453.

какъ самъ онъ говоритъ въ началѣ первой сатиры ¹⁾. Проповѣдь современныхъ нашихъ пастырей порицаютъ за то, что она такъ далека отъ жизненныхъ интересовъ, что она отвлеченна и схоластична. Пастырь—проповѣдникъ, конечно, долженъ теперь совершенно оставить, напр., обличеніе тѣхъ еретиковъ, которые давнымъ давно сомкнули свои богохульные уста и душевредныя ученія которыхъ уже не смущаютъ совѣсти немощныхъ; долженъ оставить безжизненныя и шаблонныя нравственныя наставленія, безъ внутренняго убѣжденія въ ихъ дѣйственности, безъ огня воодушевленія,—произносимыя по обязанности: постоянное повтореніе ихъ не въ состояніи пробудить спящую совѣсть, вдохнуть энергію въ слабыхъ духомъ. Пора пастырямъ перестать считать служеніемъ дѣлу проповѣди сказываніе похвальныхъ рѣчей живымъ и умершимъ—по побужденіямъ, часто весьма непохвальнымъ. Пастырь—проповѣдникъ долженъ имѣть въ виду прежде всего стремленія и интересы своихъ современниковъ; разрѣшать ихъ сомнѣнія, врачевать ихъ нравственныя язвы. Здѣсь ему не избѣжать обличеній; здѣсь онъ неминуемо натолкнется и на такія явленія, которыя потребуютъ примѣненія той формы обличенія, которая сближаетъ проповѣдь съ сатирой. Появленіе сатирическаго элемента въ проповѣди было бы добрымъ признакомъ и обозначало бы поворотъ нашего церковнаго учительства на путь жизненно-практической.

Сатира допустима на церковной кафедрѣ, „потому что проповѣдникъ не долженъ пренебрегать ничѣмъ, долженъ призвать къ себѣ на помощь всѣ средства, способныя оказать дѣйствіе, каковы бы они ни были, и долженъ умѣть затронуть одно за другимъ всѣ чувства человѣческаго сердца“ ²⁾; а сатира, какъ мы видѣли, затрагиваетъ очень чувствительныя струны человѣческаго сердца... Но что скажутъ гомилеты, предписывающіе законы и правила для церковнаго учительства? Златоустъ проповѣдывалъ тогда, когда еще не существовала первая гомилетика, появившаяся, притомъ, на Западѣ ³⁾. Но если для такихъ проповѣдниковъ, каковъ Зла-

1) См. *Нагусевскій*, Первая сатира Ю., стр. 8; *Адолфъ*, стр. 3.

2) *Puesch*, p. 71.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи 1893 г., т. I, стр. 8-9,—ст. проф. В. Пѣвницкаго „Первая, самая древняя, Гомилетика“.

тоусть, гомилетика излишня, и ея правила для нихъ необязательны, то въ отношеніи большинства необходимо признать значеніе теоріи. Проф. Пѣвницкій такъ характеризуетъ время расцвѣта христіанской проповѣди на греческомъ Востокѣ (это былъ IV вѣкъ, когда жилъ и дѣйствовалъ св. Златоустъ): „свобода богатаго слова, разливавшася обильными потоками, не была ограничиваема и урегулируема никакими особыми правилами, и при томъ богатствѣ талантовъ, какими изобиловалъ греческій Востокъ, при изумительной легкости ихъ производительности, при ихъ кипучемъ краснорѣчьи, достигавшемъ высокой художественности, не чувствовалась нужда въ искусственныхъ пособіяхъ къ возбужденію дѣятелей церковнаго слова и къ подчиненію ихъ какимъ-либо особымъ законамъ. А гомилетика именно принадлежитъ къ разряду этихъ искусственныхъ пособій, предлагаемыхъ служителямъ церковнаго слова, въ предположеніи ихъ недостаточности или неподготовленности къ надлежащему выполненію своего служенія“¹⁾. Такъ что же говорить и могла бы сказать теорія проповѣдничества относительно обличеній съ церковной кафедрой, напоминающихъ, въ той или иной мѣрѣ, сатиру? Во всякомъ случаѣ, мы вправѣ ожидать отрицательнаго отношенія къ подобнымъ элементамъ въ проповѣди. Теорія проповѣди предписываетъ крайнюю осторожность и умѣренность въ обличеніяхъ съ церковной кафедрой, а обличать, осмѣивая, обличать рѣзко и беспощадно—этого она не должна потерпѣть совсѣмъ. Это теоретическое правило касается, какъ увидимъ ниже, существа церковной проповѣди и заслуживаетъ полнаго вниманія проповѣдниковъ, потому что не имѣетъ ничего общаго съ многочисленными формальными предписаніями гомилетической науки, касающимися техники проповѣди²⁾. Правила относительно важности и соответствія тона рѣчи святости мѣста, конечно, также нарушались бы въ подобныхъ случаяхъ, такъ какъ проповѣдь съ сатирическимъ оттенкомъ или вызываетъ насмѣшку надъ преданнымъ пороку

1) Ibid., стр. 7.

2) См. разсужденія Эразма Роттердамскаго о проповѣди обличительной въ соч проф. Пѣвницкаго „Средневѣковыя Гомилетики“. Кіевъ, 1895. Стр. 177—182.

или допускаетъ рѣзкости въ изображеніи пороковъ и въ самомъ изложеніи.

Такимъ образомъ, отмѣтивъ выше сходныя черты въ произведеніяхъ свѣтскаго сатирика и церковнаго оратора—обличителя, мы должны настаивать на томъ, что между ними еще болѣе должно быть различія. Сатирикъ въ своей дѣятельности руководится, главнымъ образомъ, негодованіемъ; дѣятельность проповѣдника имѣетъ свой источникъ въ противоположномъ чувствѣ состраданія и любви ¹⁾. Сатирикъ склоненъ смотрѣть на обличаемыхъ имъ какъ на своихъ личныхъ враговъ; а когда онъ дѣйствительно имѣетъ въ виду этихъ послѣднихъ, то его мстительность и жестокость не знаетъ предѣла, какъ то видимъ на примѣрѣ Архилоха, который своею язвительною сатирою буквально убилъ, т. е. довелъ до самоубійства цѣлое семейство Ликамба, нанесшаго сатирику тяжкое оскорбленіе. Все это совершенно чуждо христіанскому проповѣднику, блюстителю завѣтовъ любви и всепрощенія. Сатирикъ только клеймитъ пороки и бичуетъ своихъ современниковъ; у него негдѣ отдохнуть на какомъ либо свѣтломъ явленіи: онъ, если и приводитъ примѣры изъ исторіи добрыхъ нравовъ и изъ жизни дѣятелей, заслуживающихъ похвалы, то лишь затѣмъ, чтобы рѣзче былъ контрастъ между тѣмъ, что было и должно быть, и тѣмъ, что составляетъ предметъ его обличенія. А христіанскій проповѣдникъ, наоборотъ, склоненъ радоваться съ радующимися и охотно отмѣчаетъ свѣтлыя черты въ нравахъ поучаемой имъ паствы ²⁾. У сатирика не найдемъ обличеній, растворенныхъ снисхожденіемъ и любовью; а Златоустъ, напр., часто, жертвуя, въ вѣкоторомъ родѣ, собою, ставитъ умышленно и себя въ смѣшное положеніе, желая смягчить горечь своихъ обличеній ³⁾. Сатирикъ въ концѣ обличенія, обыкно-

¹⁾ Проф. Таргеевъ, Критическіе очерки „По вопросамъ гомилетики“. Сергіева Лавра, 1903, стр. 108.

²⁾ Такъ нерѣдко дѣлалъ Златоустъ: въ IV бес. противъ Аномеевъ онъ говоритъ: „странно было бы, обличая безвѣрныхъ, не хвалить исправныхъ. Итакъ, я хочу сегодня похвалить васъ и воздать вамъ благодарность за послушаніе“. Т. I, кн. II, стр. 530; другіе примѣры см. въ цитов. соч. Никольскаго, отд. I, стр. 57.

³⁾ Пѣвницкій, Средневѣковая гомилетика, стр. 180; Pusch, pp. 100 et 117. Твор. т. X, кн. 1, стр. 118: „знаю., что за это будутъ осуждать меня, назы-

веняю, готовъ нанести самый чувствительный ударъ; проповѣдникъ въ заключеніи старается нѣсколько смягчить рѣзкость своего слова. У Толстого, въ его изображеніи сомне *il faut*, особенною ядовитостью отличается конецъ главы. Онъ говоритъ: „я зналъ и знаю очень, очень много людей старыхъ, гордыхъ, самоувѣренныхъ, рѣзкихъ въ сужденіяхъ, которые на вопросъ, если такой задастся имъ на томъ свѣтѣ: „кто ты такой? и что ты тамъ дѣлалъ?“ не будутъ въ состояніи отвѣтить иначе какъ: „je fus un homme très comme il faut“ ¹⁾. Златоустъ также, очевидно, допускаетъ возможность увлеченія модною обувью до старости и отсутствія другихъ интересовъ въ продолженіе цѣлой жизни; но у него въ заключеніи—должно признать—весьма рѣзкаго обличенія выражены благопожеланія увлекающимся и надежда на исправленіе. Сатирикъ, обличая пороки,—безъ всякаго сожалѣнія и снисхожденія бичуетъ нарушителей правилъ добраго поведенія; а проповѣдникъ, выражая рѣшительное отвращеніе къ пороку, проникнуть состраданіемъ и снисходительностью по отношенію къ уклонившимся отъ пути добродѣтели ²⁾. Сатирикъ склоненъ къ огульнымъ обличеніямъ, а христіанскому проповѣднику это совсѣмъ должно быть чуждо. Пусть тотъ или другой христіанскій городъ сравниваютъ съ Вавилономъ и даже съ Содомомъ; но пастырь—проповѣдникъ знаетъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть невѣдомые міру праведники, ради которыхъ Господь шадитъ и погрязшихъ въ порокахъ и преступленіяхъ. „Обличающій проповѣдникъ, по мысли преосвящ. Иннокентія, во всякомъ случаѣ, имѣетъ дѣло съ церковью Христовою, хотя въ ея членахъ менѣе совершенныхъ... Церковь же Христову не должно представлять себѣ такъ, „чтобы дѣло Божіе оставалось безъ преспѣянія, тогда какъ спѣютъ дѣла человѣческія... Найдутся чистыя души, кои оправдаютъ собою Промыслъ, докажутъ своею жизнію, что Церковь Христова болѣе и болѣе приближается къ той лѣпотѣ, въ коей она должна явиться на бракъ Небеснаго Жениха“ ³⁾. Но въ особенности проповѣдникъ не

вать неразумнымъ и смѣшнымъ; но я перенесу насмѣшки, только бы произошла отсюда какая-нибудь польза”.

¹⁾ Стр. 323—324.

²⁾ См. заключит. слова соч. Риеш'а, также стр. 278.

³⁾ Прибавл. къ Церкви. Вѣдом. 1889 г., № 30, стр. 881.

долженъ забывать, что его первая и главная обязанность не обличать, а научать—словомъ и примѣромъ собственной жизни ¹⁾. Необходимо принять во вниманіе и то, что указанное средство борьбы съ упорнымъ коснѣніемъ въ порокахъ—средство героическое и исключительное; такія средства должны примѣняться съ особенною осторожностью и знаніемъ дѣла ²⁾.

Тотъ, кто ощущаетъ въ сердцѣ своемъ какъ-бы горящій огонь³⁾—знакъ особаго призванія къ обличительному слову, кого не удерживаетъ страхъ предъ сильными міра сего (а таковы должны быть всѣ истинные пастыри), тотъ можетъ и долженъ, въ нужныхъ случаяхъ, слѣдовать св. Златоусту, не подчиняясь рабски гомилетическимъ преданіямъ старцевъ, какъ учитель, усвоившій духъ и суть глаголовъ Божіихъ. Но не съ этого нужно начинать слѣдованіе примѣру св. отца. У Златоуста мы встрѣчаемъ немало мѣстъ съ сатирическимъ отгѣнкомъ, но вѣдь это на протяженіи двадцати пяти большихъ книгъ (по русскому переводу), заключающихъ сохранившіеся отъ него учительные труды. Св. Іоаннъ имѣлъ не только золотыя уста, но и золотое сердце, и отъ избытка этого преисполненнаго любовью сердца говорили его уста и тогда, когда онъ благовѣствовалъ, и тогда, когда обличалъ пороки и предавалъ ихъ осмѣянію. Кромѣ того, мужъ необыкновенной святости зналъ всѣ подробности грѣховной жизни, для чего, конечно, много нужно было положить труда, нужно было быть всегда необыкновенно внимательнымъ ко всѣмъ отрицательнымъ явленіямъ жизни, какъ бы они ни были для него отвратительны.

Итакъ, тотъ, кто руководится чувствами великаго проповѣдника, кто подражаетъ ему въ силѣ духа и пастырской ревности, кто готовъ страдать за истину, какъ страдалъ онъ,

1) Труды Кіевской Дух. Академіи 1893 г., т. I, стр. 28—29. Но служитель слова, конечно, не можетъ ограничиваться наученіемъ. У *Проф. Говорова*, въ статьѣ „Отчего наши пастыри-проповѣдники съ своими слушателями „глухи другъ къ другу“ читаемъ: „Цѣль проповѣдническаго искусства не учить только и разъяснять, а заставить полюбить нравственное добро и возненавидѣть нравственное зло, и для этого—выставлять красоту добродѣтели и безобразіе порока не въ общихъ, отвлеченныхъ чертахъ“... См. журн. „Церк.-общ. жизнь“ 1907 г., № 30, столб. 1904

²⁾ Творен. Златоуста т. I, кн. 2, стр. 416—417.

³⁾ Іеремъ 20, 9.

кто имѣеть мужество обличать не однихъ худородныхъ, бѣдныхъ и незначительныхъ по своему общественному положенію, а и великихъ и сильныхъ міра сего, кто чуждъ суетности, кому незнакома жажда людской славы; у кого горькое слово обличенія и осмѣянія людскихъ пороковъ есть выраженіе пастырской печали и пастырскаго гнѣва, въ основѣ которыхъ—та же любовь, которая должна руководить и всею дѣятельностью учителя и благовѣстника; тотъ можетъ идти по стопамъ Златоуста и въ указанномъ отношеніи, тотъ можетъ быть свободнымъ отъ узъ гомилетической теоріи, тому все позволительно. При отсутствіи же указанныхъ условій, проповѣдникъ пусть не увлекается примѣромъ св. отца, помня общеизвѣстный латинскій афоризмъ, начинающійся словами: quod licet.

Священникъ Дмитрій Рождественскій.
